

за рубежом, безусловно, является полезным для российской правовой науки. Практика применения уголовной ответственность юридических лиц во многих развитых странах дает основание утверждать, что уголовная ответственность юридических лиц не только возможна, но иногда даже необходима, особенно по мере развития экономики, что подразумевает сосредоточение все больших капиталов в руках негосударственных образований.

На наш взгляд, надлежащая регламентация названного института способна существенно повысить эффективность борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности.

Стёпочкина Я.И.,

аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Юридического института Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Научный руководитель: проф. Куксин И.Н.

(Россия)

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ СТРУКТУР: ОПЫТ УСТАВНОЙ (ООН) И КОНСТИТУЦИОННОЙ (РОССИЯ) ФОРМАЛИЗАЦИИ

Нормы, посвященные самостоятельности публичных субъектов правовых отношений, находят свое отражение как в международной, так и во внутригосударственной правовых системах. В частности, отдельные положения, закрепляющие самостоятельность участников правоотношений, выражены в актах международных организаций. Так, Уставом ООН¹ установлена возможность принятия субъектами, участвующими в правовых отношениях, самостоятельных действий (ст. 56), самостоятельное выполнение возложенных функций (ст. 105). Однако, необходимо оговориться, что между публичными субъектами международно-правовых и внутригосударственных отношений есть принципиальные отличия.

Государство, обладая присущим ему универсальным качеством – суверенной властью, в международно-правовых отношениях признается основным субъектом. Выражая верховенство власти в пределах своей территории, а также независимость и равное положение в отношениях с

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14-47.

инными странами, государство является самостоятельным правосубъектным участником международных отношений. При этом самостоятельность не является безграничной. В качестве таких ограничений выступают нормы права международной и национальной природы.

В зарубежной конституционно-правовой науке и практике широкое распространение получила концепция, согласно которой нормы международно-правовых источников ограничивают суверенитет государства в любом случае¹. Профессор Й. Фровайн высказывался: «Уже основополагающая норма о том, что международный договор остается обязательным, даже если воля государства в дальнейшем изменится, является... важным ограничением «суверенитета» ...»². Не соглашаясь с указанной концепцией, отметим, что международно-правовые нормы в большей степени ограничивают не суверенитет государства, а определенную область его деятельности.

Превалирующее положение в отечественной правовой науке заняла позиция, сформулированная профессором Ю.М. Колосовым, согласно которой принятие на себя обязательств в силу международных договоров, согласие на определенное ограничение свободы действий, есть ни что иное, как проявление государственного суверенитета³. Действительно, обязанность действовать надлежащим образом в соответствии с принятыми нормами права обуславливает запрещение произвола, является гарантом суверенных прав, а не их ограничителем. Наиболее четко, на наш взгляд, характеризует данный вопрос профессор И.И. Лукашук: «Утверждать, будто любой договор ограничивает суверенитет, столь же логично, как и считать, будто договор о перевозке вас самолетом ограничивает вашу свободу, а путешествие пешком – нет»⁴. Соответственно, согласимся, что ограничение свободы действий государства в одном отношении, в силу исполнения предписаний международных норм, расширяет ее в другом, в частности, предоставляет государству новые возможности реализации своего суверенитета.

Многие исследователи в области международного права определяют государство как первоначальный и универсальный субъект. Первоначальность, по мнению И.И. Лукашука, сводится к тому, что госу-

¹ См.: Waldheim K. Introduction to the Report of the Secretary-General on the Work of the Organization. 1975. P. 12

² Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century. The Hague. 1996. P. 404

³ Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. М., 1975. С. 13.

⁴ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. ИМ. Волтерс Клувер, 2005. С. 121.

дарство приобретает статус субъекта международно-правовых отношений в силу факта его образования, и впоследствии именно оно наделяет таким статусом всех иных субъектов. Универсальность государства в его понимании раскрывается в следующем: «государство правомочно принимать участие в любых международно-правовых отношениях»¹.

Обеспечение функционирования системы международного права возлагается на суверенные государства, которые являются «источником властной энергии этого права»². Это обусловлено тем, что государства, в силу своей универсальной правосубъектности, генерируют нормы международного права, снабжают их юридической силой и обеспечивают механизм их реализации.

Следует уточнить, что органы и должностные лица отдельного государства не могут выступать самостоятельными субъектами в отношениях международного характера, так как их правосубъектность производна от государства. Значит, ответственность за отдельные внутригосударственные публичные структуры возлагается на все государство в целом как на единый субъект правоотношений. Можно сделать вывод, что государство, принимая участие в международно-правовых отношениях, обладает самостоятельностью, которая обусловлена суверенитетом.

Касаемо национального законодательства, уточним, что ст. 10 Конституции Российской Федерации прямо предусматривает самостоятельность органов государственной власти. При этом подчеркнута, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную»³.

В теории права и конституционно-правовой доктрине продолжают поиски критериев разграничения понятий «государственный орган» и «орган государственной власти». Так, последний определяется как инструмент, посредством которого многонациональный народ России в силу предписаний Конституции РФ осуществляет принадлежащую ему власть, а также посредством которого государство реализует присущие ему функции⁴; как установленная в законодательном порядке структура, наделенная государственно-властными полномочиями по

¹ Лукашук И.И. Там же. С. 123.

² Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк. 2000. С. 61.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Червонюк В.И. Конституционное право России. М.: Инфра-М. 2004. С. 234.

установленному кругу предметов ведения¹. Полагаем, что изъясном приведенных формулировок является то, что не указан атрибутивный признак органа власти – самостоятельность.

Самостоятельность, по нашему мнению, выражается, помимо прочего, в обособленности властной структуры по институциональному, функциональному, компетенционному и ресурсному признакам.

Самостоятельность органа государственной власти связана с наличием у него властных полномочий, позволяющих самостоятельно решать определенные вопросы в рамках его компетенции, а также способности издавать правовые акты, обязательные для исполнения иными субъектами (публичными структурами, должностными лицами, гражданами).

Властный характер полномочий, которыми наделяется публичная структура, в теории конституционного права признается признаком, указывающим на орган государственной власти. Смысловое содержание упомянутого признака раскрывается: в принятии решений от имени государства; в общеобязательном характере исполнения таких решений; в возможности применения принудительной силы государства в целях обеспечения исполнения решений.

Самостоятельность органа государственной власти закономерно связывают с компетенцией. В теории права она трактуется как общие возможности государственных органов самостоятельно совершать властные действия.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что самостоятельность публичных субъектов зафиксирована в нормах международного и внутригосударственного права. Властный характер полномочий, передаваемых публичным структурам в целях обеспечения реализации функций государства, показывает самостоятельность таких структур в решении определенного круга вопросов, отнесенных к их компетенции.

¹ Смоленский М.Б., Мархейт М.В., Тонков Е.Е. Конституционное право Российской Федерации. Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 367